

АННА ОРЛОВА

ПРОТОКОЛ
ВСКРЫТИЯ

Анна Орлова

Протокол вскрытия

Серия «Ведьмы ведут следствие»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74505576

*Протокол вскрытия:
ISBN 978-5-04-254287-9*

Аннотация

Патологоанатому Регине скучать некогда. То ожившие трупы селянам спать не дают, то дух мертвого младенца на хуторе свирепствует, то убивают скоге – "хозяев леса". Еще и покойники в морге норовят со стола слезть!

Хорошо, что Регина умеет с ними справляться. Ведь она – Проводник мертвых, жрица богини смерти Хель. Не потому ли ее сперва пытаются убрать с должности, а когда не выходит – убить?

Еще и мужчины головной боли добавляют. Инспектор Эринг старается привлечь Регину к расследованию, а ледяной дракон Исмир вообще сначала затащит йотун знает куда, бросит, а когда побьют – вылечит, ладно уж!

Регине не привыкать, она справится. С помощью Хель и верного скальпеля!

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Анна Орлова

Протокол вскрытия

Глава 1

«При дневном освещении и солнечной погоде в помещении морга Центрального управления сысского агентства г. Ингойя произведено исследование трупа госпожи Снелауг, тридцати двух лет, для определения причины смерти и ответов на вопросы, указанные в постановлении...

Заключение: смерть госпожи Снелауг наступила в результате...»

От писанины меня отвлек быстрый стук в дверь. Я подняла голову, однако гость не стал дожидаться разрешения.

– Привет! – с порога жизнерадостно воскликнул инспектор Эринг. Бросил взгляд на прикрытое простыней тело и, поморщившись, притворил за собой дверь. – А, госпожа Снелауг! Что там?

– Не знаю, обрадует тебя это или огорчит, – усмехнулась я. – Это не твой случай. Выраженный поздний токсикоз беременных и осложнения при родах, повлекшие септический послеродовой метротромбофлебит с тромбозом артерий и обширными участками некроза миометрия.

Диагноз я выдала на одном дыхании, предвкушая реак-

цию Эринга. Моих ожиданий он не обманул: скривился так по-детски обиженно, что я едва удержалась от улыбки.

– А по-человечески? – жалобно спросил он, поднимая брови «домиком». Подтянул к себе стул, уселся задом наперед и оперся подбородком о сложенные кулаки.

– Разве я говорила по-хельски? – «удивилась» я, потом смилостивилась: – Причиной смерти послужил острый сепсис. Проще говоря, первые роды, сильные разрывы промежности, заражение крови. Понятнее?

– Ага, – кивнул Эринг. – Значит, муж не при чем?

– При вскрытии не обнаружено следов насильственности смерти, – пожала плечами я, откладывая ручку. – Поздние первые роды, вот и все.

– Ладно! – Эринг вдруг просиял улыбкой и пружинисто вскочил на ноги. – Госпожа доктор, позвольте пригласить вас на обед!

– Опять сплетничать будут, – вдохнула я, тщательно моя руки.

Жаль, на душ начальство не расщедрилось. Хоть амулеты против запахов в морг купили, иначе было бы совсем грустно.

– Да ну их! – отмахнулся Эринг. – Думаешь, люди не замечают, что я иногда у тебя ночую? И я сегодня приду, ладно?

– Что, опять?

– Ну да, – подозрительно легкомысленно подтвердил Эринг, – ты же не против?

– Не против, – согласилась я, расстегивая рабочий халат. На такие отношения местные смотрят косо, да Хель¹ с ними! – Слухом больше, слухом меньше.

– Готова? – с надеждой спросил он, когда я накинула легкое трикотажное пальто (в Ингойе даже летом прохладно) и взяла сумку.

– Почти, – улыбнулась я, игнорируя подставленный локоть. Поправила галстук, который Эринг по давней привычке ослаблял, едва зайдя в свой кабинет. И велела полушутя: – Причешись, а то о нас невесть что подумают!

– Пусть думают, – он пятерней пригладил вихры и мотнул головой, как игривый щенок. – Не делай так, ты мне маму напоминаешь.

– Уговорил, – содрогнулась я. – Больше не буду! Пойдем?

– Пойдем! – Эринг одарил меня мальчишеской улыбкой.

* * *

Визг звонка, казалось, вскрывал мой череп, как дуговая пила². Я с трудом приоткрыла глаза. Судя по густой темноте, которую свет фонаря за окном лишь слегка разбавлял, до утра еще далеко.

Неведомый гость трезвонил с настойчивостью Хеймдал-

¹ Хель – в германо-скандинавской мифологии богиня смерти. Например, во время мора говорят: «Хель разгулялась».

² Дуговая пила – используется для вскрытия черепа и распила костей

ля, трубящего побудку богов и эйнхериев³.

«Почему Хильд не открывает?» – сонно подумала я. Ах, да. Я же вчера поймала ее за руку на краже и уволила!

Я была так зла, что распахнула дверь, не спросив, кого принесло в такую рань. Даже при свете слабой лампочки было видно, что лицо Эринга посерело от усталости. Снова в своем кабаке всю ночь провел?

– Эринг, – рывкнула я, – рахиотом Гелли⁴ тебе в анальное отверстие! Опять ключ забыл?

– Не-а, – в доказательство он потряс извлеченной из кармана связкой. – Намного интереснее!

– Интереснее? – поразились я, отступая, чтобы пропустить его в дом. Эринг ловко протиснулся, мимоходом чмокнув меня в щеку. На удивление, алкоголем от него не пахло, только цитрусовым одеколоном – бергамот, лимон, апельсин – и крепким дешевым табаком.

– Ага, – легкомысленно подтвердил он, плюхаясь на диванчик, накрытый полосатым пледом. – У нас интересный труп!

На мгновение я онемела.

– И ради этого ты вытащил меня из постели?! – вознегодовала я, оглядываясь в поисках чего-нибудь, чем можно ему

³ По легенде, страж богов Хеймдалль созовет богов и эйнхериев (павших героев) на битву в Рагнарек, трубя в Гьяллархорн – «громкий рог»

⁴ Рахиотом Гелли – костные ножницы с короткими клювовидными «губками» и длинными ручками для перекусывания задних дужек позвонков.

пригрозить. Увы, все мои инструменты остались на работе, а зонтиком бить неспортивно. – Приду на работу к девяти, тогда и покажешь свой труп.

– Свой не покажу, – его удивительно четко очерченные губы дрогнули в улыбке. Одно время кто-то даже пустил слух, что Эринг их подкрашивает, но с такими разговорами он справился быстро и жестко. Деталими я не интересовалась – главное, что разговорчивые полицейские не попали ко мне на вскрытие. – И до девяти ждать нельзя. Ехать далеко.

– Ты с Иггдрасиля⁵ упал? – подозрительно осведомилась я, присаживаясь напротив него. – С какой стати я должна куда-то ехать? Ты у нас инспектор, ты и езжай. Доставишь мне материал.

– Ну, Регина, – он соорудил просительную мину, – там правда интересный труп. И его надо на месте осмотреть. Ради меня?

Он так наивно похлопал длинными ресницами, что я поневоле усмехнулась и потерла сонные глаза.

– Нахал ты, Эринг, – констатировала я.

– Ага, – ухмыляясь, подтвердил он и развалился поудобнее. – Но обещаю потом отработать!

Я только хмыкнула, велела ему сварить кофе покрепче и отправилась одеваться.

⁵ Иггдрасиль – в германо-скандинавской мифологии – Мировое Древо, Великий Ясень.

Автомобиль, вырвавшись с тесных улочек Ингойи, мчал по шоссе с приличной скоростью. Дюжий констебль Амунди рулил, а Эринг дулся, что ему крутить баранку не доверили. Личный приказ начальника полиции, ничего не попишешь.

Когда солнце поднялось над горизонтом, я прилипла к окну, восхищенно глядя на обступившие дорогу горы. Надо думать, местные жители видели в причудливых нагромождениях скал и карабкающихся по уступам деревьях окаменевшие лица гигантов. Отчаянно хотелось побродить здесь с рюкзаком и палаткой. За полгода, прожитые в Ингойе, я еще не успела побывать в южной части острова, и теперь прикидывала, куда стоит заглянуть.

– Регина, – отвлек меня от размышлений голос Эринга, – когда ты так улыбаешься...

– Тебе становится страшно? – предположила я насмешливо.

Констебль фыркнул, но промолчал. Зачем нарываться?

– Ага, – подтвердил Эринг серьезно. – За тебя. Я же вижу, как ты смотришь на эти горы. Бросила бы ты это, а? Места дикие, а ты ходишь одна.

Я пожала плечами. Жаль, что он со мной вырваться не сможет. Эринг хмурился, кажется, всерьез за меня беспокоясь.

– Спасибо за заботу, – улыбнулась я, похлопав его по плечу. – Не волнуйся, я всегда осторожна.

Эринг хмыкнул, но спорить не стал.

– Ладно, тогда я немного покемарю, – заявил он, пристроил голову у меня на плече и вырубился...

Он проснулся, когда автомобиль остановился в деревушке у подножия горы.

– Амунди, что случилось? – настороженно поинтересовался Эринг. Глаза у него были красными от недосыпа, а лицо выглядело изрядно помятым.

– Ничего, – пожал широченными плечами констебль. – Дальше машина не проедет. Придется пешком или взять лошадей.

Асфальтированная дорога действительно обрывалась аккурат у знака: «До Мердаля – 10 км».

– Лошадей? – переспросил Эринг несчастным тоном. Отношения с этими прекрасными животными у него не складывались.

Ничего не попишешь, другого выхода все равно не было.

* * *

Пока мужчины договаривались о транспорте, я успела размять ноги. Окрестности располагали к прогулкам: невысокие горы плавно спускались к морю, скромные домики из-за покрытых дерном крыш сливались с пейзажем. На пере-

крестке тропинок в тени дерева притаился скромный алтарь – замшелый валун с рунической надписью и кучкой подношений. На фоне серого ландшафта сиреневые, желтые и розовые цветочные головки казались осколками радужного моста Биврест, который осыпался во время Рагнарека⁶...

От поэтических сравнений меня отвлек голос Эринга.
– Регина, иди сюда! – позвал он нетерпеливо.

Владелец местной конюшни уже выводил под уздцы последнюю из трех лошадей. Констеблю Амунди достался пожилой тяжеловес. Мне полагалась смиренная серая кобылка, а Эрингу – пепельно-вороной мерин.

Судя по лицу Эринга, он уже предвкушал все «прелести» прогулки. По его глубокому убеждению, лошади – злобные твари, которые не желают подчиняться и постоянно норовят укусить. Только не отступится ни за что – характер. Пришлось брать инициативу в свои руки.

– Какой красавец! – громко принялась восторгаться я, направляясь напрямик к мерину и старательно игнорируя впросительно заржавшую кобылку. – Ты мой хороший, ты мой умница!

Он подумал, фыркнул и принялся обнюхивать мои карманы в поисках вкусностей. Нашел и, громче засопев, пихнул меня мягким храпом.

Я рассмеялась, скормила ему завалявшуюся карамельку и

⁶ Рагнарек – в германо-скандинавской мифологии конец света, гибель существующего мира, после которого мир должен возродиться заново.

обернулась к хозяину.

– Как его зовут?

– Фантом, – буркнул он.

Подозреваю, имя досталось мерину за привычку сбрасывать всадника и призраком растворяться вдали. Так что когда я предложила поменяться, Эринг согласился с плохо скрываемым облегчением...

Впрочем, у него даже смирная кобылка взбрыкнула.

– Эринг, смотри, – позвала я, отвлекая приятеля от ругани.

– Что? – мигом заинтересовался он, отпуская поводья.

– Алтарь, – я кивком указала на очередной камень с подношениями.

– И что? – не понял Эринг. – Набожный здесь народ живет, что такого?

– Слишком набожный, – задумчиво уточнила я. – Это уже пятый.

Он неопределенно пожал плечами и тронул каблуками бока кобылки.

* * *

Деревушка Мердаль оказалась крошечной: два десятка домов прилепились к склонам горы. Почти все обозримое пространство долины усеивали белые головки хлопка. Казалось, пушистое облако запуталось в острых вершинах и упа-

ло на землю.

У околицы мялся господин, напоминающий упитанного кабанчика.

– Инспектор Эринг, – официально представился Эринг, продемонстрировав удостоверение. – Добрый день.

– Какой же он, того, добрый? – воскликнул полный господин, всплеснув руками. – Тут такое, такое!

– Разберемся, – пообещал Эринг, спрыгивая наземь. И помог спешиться мне.

Амунди осматривался, нервируя глазающих селян.

Полиции в такой глуши не было, за порядком присматривали сами жители.

– Ой, я совсем забыл! – спохватился тот самый местный житель. – Я, того, Нарви, сын Освивра, мэр здешний. Вы, госпожа, не обижайтесь, но мы вас, того, не ждали. Но вы только не волнуйтесь! Мы сейчас все-все того... Отдохнете в тенечке, молочка попьете!

– Эринг, – негромко произнесла я, поглаживая Фантома по мягкому носу, – чем скорее я осмотрю труп, тем лучше.

– Труп?! – кажется, мэр Нарви (имя «худой» звучало как насмешка) готов был схватиться за сердце. – Да что же вы, того, выдумали? Уж простите, но это, того, не для дам!

И покосился на мои брюки. Ох уж эта провинция! В Ингойе нравы посвободнее.

Эринг усмехнулся, предвкушая потеху.

– Регина, позволь представить тебе мэра Нарви. – Цере-

монно произнес он. – Господин Нарви, это доктор Регина, Проводник мертвых в ИСА.

Сама я предпочитаю называться патологоанатомом. В конце концов, умирять «беспокойных» мертвецов мне еще ни разу не приходилось.

– Рада знакомству, господин мэр, – улыбнулась я.

Мэр смог лишь булькнуть что-то невнятное. Сейчас или упадет в обморок, или кинется наутек.

Хм, и чего он так испугался? На вид я совсем не страшная: худошавая рыжая женщина, светлокожая и светлоглазая. На мертвие ничуть не похожа, даже с недосыпа.

– Мне нужно поскорее осмотреть тело, – напомнила я нетерпеливо.

Жарковато – долину от холодных ветров защищали горы, а снизу подогревал вулкан. Это ускорит изменения в трупe, так что стоит поспешить.

– Но... – пролепетал мэр. Лицо его покраснело, на лбу выступили крупные капли пота. – Но зачем, госпожа... доктор? Вы, того, не утруждались бы!

– Это моя работа, – возразила я спокойно.

«Госпожой», как замужнюю женщину, меня называли в знак уважения.

– Постараемся быстрее, господин мэр. – Эринг заговорщицки подмигнул. – Формальности, будь они неладны!

Прямо мальчишка, мечтающий поскорее сделать уроки и сбежать на рыбалку. Желание вывернуть его карманы в по-

исках рогатки было почти непреодолимым.

Мэр затравленно оглянулся и сглотнул, узрев за своей спиной констебля Амунди, похожего на каменного тролля из сказки.

– Да-да, – господин Нарви нервно переступил на месте, – вы, того, не обижайтесь. Мы мирные люди, нам тут, того, сложности не нужны. Вот я и того...

– Ну что вы, никаких сложностей! – заверил Эринг и подцепил господина мэра под локоток. – Прогуляемся, подышим свежим воздухом. Договорились?

Жертве его детской непосредственности оставалось лишь неуверенно кивнуть.

Глаза констебля Амунди смеялись, хотя лицо казалось высеченным из камня. Он по пятам следовал за начальником, заставляя мэра нервно вздрагивать. Я же шла впереди, любуясь природой, и в разговор не вмешивалась.

Эринг интересовался милыми крестьянскому сердцу вопросами: урожаем, погодой, удоями. И заодно пытался узнать, сколько людей живет в поселке, не было ли в последнее время чего-то подозрительного и так далее. Вопросы эти звучали так непринужденно, что господин Нарви сам не заметил, как ответы из кратких превратились в пространные и эмоциональные.

Вскоре мы вышли за пределы поселка. Я подумала и скинула пальто, оставшись в одной тонкой рубашке, и сняла шляпку. К Хель скромность! Теплый ветерок взъерошил

мои рыжие волосы, по последней моде обрезанные до подбородка.

– Там еще одна долина, а с нашей она как бы перешейком соединяется, – косноязычно объяснил господин мэр, махнув рукой в сторону ущелья между двумя горами.

– Там кто-нибудь живет? – живо заинтересовался Эринг.

– Ну, того, да, – подтвердил господин мэр нервно. – Поселок Рьюпа, они в основном рыболовством промышляют. Вот тамошняя парочка удавленника и нашла!

– Удавленника? – не выдержала я. Прикусила язык под укоризненным взглядом Эринга. Поздно, мэр опомнился и замкнулся, как ракушка.

– Ну, того, да, – выдавил он и, опустив глаза, ускорил шаги. – Вы сами гляньте! Мы того, почти пришли. Там все того, как было. Я мальчика сторожить оставил, вы не подумайте!

За уступом скалы виднелось безжизненное поле. Голая земля спеклась и напоминала чешуйчатую кожу гигантской змеи. Старая яблоня – покрученная, искореженная, покрытая коростой омелы, росла с краю живым предупреждением: «Не влезай! Убьет». В этом месте тропинка боязливо делала крюк.

С толстой ветви дерева свисал диковинный «плод», рядом с которым мялся с ноги на ногу испуганный мальчишка.

– Ничего себе! – от избытка чувств Эринг присвистнул. Глаза у него восторженно блестели. – Жаль, не умею рисовать!

– Взял бы полицейского фотографа, – предложила я. Люблю фотографировать, но не трупы же! Этого добра мне и так предостаточно.

– Приземленная ты, Регина, – вздохнул Эринг. – Ничего не понимаешь в романтике. Посмотри, как красиво и пугающе!

Я посмотрела, ничего красивого не увидела и пожалала плечами. Тело, мужское, одето в грубую робу и растоптанные башмаки. Что Эринг в нем нашел? Ладно бы девушкой восхищался! Впрочем, что с него взять, творческая натура. Сложись обстоятельства иначе, Эринг стал бы прекрасным музыкантом.

– Так это, того, знаменитое место же! – влез мэр. Кажется, восхищение заезжего полицейского ему льстило. – Тут же Бальдра убили.

– Бальдра?! – переспросил Эринг и, прикусив щеку, оглядел безжизненное поле.

– Ага! – мэр приосанился и продолжил патетически: – Это, того, ну легенда. Говорят, бога Бальдра, сына Одина, того, убил его брат...

Я вздохнула. Мало того, что рассказывает общеизвестные вещи, так еще и настолько косноязычно!

– Спасибо, мы тут по другому поводу, – перебила я и подошла ближе, разглядывая труп.

Я отвела рукой свисающую зеленую плеть. Лицо повешенного скрывала густая шапка омелы, а зеленовато-смуглый

оттенков кистей – единственного видимого участка кожи – не слишком походил на обычные трупные изменения.

Сзади присвистнул Амунди.

– Так господину инспектору же того, интересно было! – голос мэра звучал обиженно. – Говорят, сама земля, того, оплакивала светлого бога! С тех пор тут вот так... ни травинки!

– Поэтично, – заметила я. – Но это всего лишь грязево-вулканический солончак. Судя по запаху, в грунте высокое содержание серы, сульфатов и прочих серосодержащих соединений. Поэтому ничего не растет.

– Ты безнадежна, – усмехнулся Эринг, останавливаясь у меня за плечом.

– Констебль, будьте добры, мой саквояж, – попросила я, не глядя протягивая руку.

Эринг прав: это стоило запечатлеть. Омела не просто свисала на лицо трупа, она плотным коконом скрывала голову и шею.

Мэр громко сглотнул, констебль пробормотал что-то невнятное.

– Что скажешь? – поторопил меня Эринг, опираясь о шершавый ствол яблони.

Я больше не сердилась на приятеля за раннюю побудку. Это действительно стоило увидеть.

– Очень интересно, – заметила я отстраненно.

Подумала – и принялась расстегивать на трупе жилет и

рубашку.

– Эй, чего это вы делаете?! – вскричал господин Нарви.

– Работаю, – отрезала я, убедившись в своей догадке, и повернулась к Эрингу. – Его нужно снять. Кстати, это не человек.

Инспектор поднял бровь и кивнул Амунди. Вскоре труп уже лежал на травке, а Амунди с блокнотом на изготовку приготовился записывать мои слова.

– Мужчина, – начала я, аккуратно разрезая ветви, – орк, возраст около двадцати пяти-тридцати лет. Физически развит, при первичном осмотре следов заболеваний не наблюдается. Судя по всему, питался хорошо. Поврежденная трахея, на коже шеи в верхней трети имеется одиночная, косовосходящая спереди назад снизу вверх незамкнутая странгуляционная борозда, что позволяет предположить, что смерть последовала от механической асфиксии, вследствие сдавления правой боковой поверхности шеи петлей при повешении.

– Регина! – взмолился Эринг. – Протокол потом напишешь. Скажи мне по-простому, от чего он умер?

– Задушен, – кратко резюмировала я, ощупывая голову трупа. И добавила, упреждая вопрос: – Сначала его ударили по голове сзади – имеется сильный ушиб с повреждением мягких тканей – а потом уже повесили.

Эринг кивнул.

– Значит, убийство, – задумчиво произнес он. – Как интересно! По легенде, орки – потомки Бальдра, а этого типа

прикончили на месте смерти бога. Да, что насчет омелы?

– Понятия не имею, – я поднялась с колен и отряхнула брюки. – Научного объяснения у меня пока нет. Кстати, смерть наступила два-три дня назад. Точнее скажу после вскрытия.

– Ладно, – Эринг махнул рукой и приказал Амунди: – Констебль, отнесите убитого в поселок. А вы, господин мэр, пока объясните, откуда в Мердаль взялся орк. И как вы узнали, что он именно задушен?

Теперь в его ледяном голосе не слышалось ни дружелюбия, ни лени.

– Но... но... – господин Нарви задрожал, так растерянно хлопая глазами, что я спрятала усмешку.

Это далеко не первая рыбка, которая попалась на наживку Эринга. Теперь подсечь, рывок и... Впрочем, в расследованиях, как и в рыбной ловле, он и сам неплохо разбирался.

Амунди шествовал впереди. Труп он нес легко и осторожно, словно заботливая мамаша младенца. За ним следовал Эринг, который прямо на ходу уверенно «потрошил» добычу. Господин Нарви, подобно карасику, безнадежно пытался выпрыгнуть со сковородки. Любо-дорого посмотреть.

Особых улик против мэра не было. «Удавленником» висящий на дереве труп мог назвать любой профан. А что господин Нарви толком ничего не предпринял, так это легко объяснить растерянностью и страхом. Как говорил сам Эринг, «неподсудно».

Именно поэтому сейчас он забрасывал господина мэра вопросами, не давая опомниться и сочинить что-то удобоваримое.

– Он... Этот Ханзи... его, того, к нам прислали, – сбивчиво объяснял господин Нарви, запыхавшийся от быстрой ходьбы.

– Зачем? – удивился Эринг. – Создавать ансамбль песни и пляски?

Ирония понятна: кочевые племена орков промышляли гаданием, уличными представлениями, а также воровством и прочими малопочтенными занятиями. У нас эти дети степей и пустынь не водились, разве что заезжали ненадолго.

Ледяные драконы и хель⁷ – истинные хозяева Хельхейма – южан не любили.

Когда двести лет назад прогремел Рагнарек, предсказанный конец света, девять миров Иггдрасиля должны были погибнуть и родиться вновь. Вместо этого они смешались – хаотично, без какой-либо системы. Разным расам пришлось учиться жить вместе.

Теперь в Хельхейме, на севере нового мира, худо-бедно уживаются три расы: люди, ледяные драконы и хель, потому что богини смерти. Причем мы, люди, здесь на правах бедных родственников.

– Не-а, – мотнул головой мэр. Сквозь редкие седые волосы

⁷ Хель – в данном случае народ хель, проживающий на крайнем Севере, потому что богини смерти Хель от инеистых великанов.

просвечивала розоватая кожа. – Нам, того, его агрономом прислали! Вроде как идея у него была, как на даже самой плохой почве, того, урожай годный вырастить. Ну и хлопок он у нас вырастил вон. И хотел, того, на том проклятом месте попробовать вроде. У него, того, еще от хель письмо было!

Амунди от неожиданности споткнулся, а я хмыкнула.

Это был весьма нетипичный орк, раз откололся от своих и нашел общий язык с ледяными великанами.

– Вы ничего не путаете? – уточнил Эринг, остановившись. И вперил в несчастного мэра испытующий взор.

– Нет-нет, господин инспектор, – окончательно перепугавшись, замотал головой мэр. – Я того, как на духу!

От дальнейшего измывательства над господином Нарви меня отвлекли. Нас нагнал мальчишка, который раньше сторожил труп. Он подергал меня за рукав – осторожно, словно боясь обжечься.

– Что? – тихо спросила я. – Ты хочешь мне что-то сказать?

Темные глазенки поблескивали от любопытства. Паренек переступил босыми ногами и выпалил:

– А вы правда, это, мертвяками командуете?!

Ах, сколько ужаса и восторга!

– Не совсем, – возразила я. Увидела разочарование на чумазой мордашке и уточнила: – Однако кое-что умею.

Малец просиял.

– Ух ты! Тогда, это, я побежал!

И рванул к Мердаль, только пыль взвилась.

В поселке Эринг поинтересовался у господина Нарви:

– Где у вас самый холодный погреб?

– Э-э-э, – протянул мэр, ошарашенный неожиданным вопросом. – У меня хороший. А вам-то, того, зачем?!

Судя по взгляду господина Нарви, он подозревал, что Эринг немедленно затеет обыск (а заодно снимет пробу с солений и колбас). Впрочем, инспектор уже замордовал мэра настолько, что тот готов был предложить хоть целый окорок, лишь бы от него отстали.

– Надо же труп куда-то девать, – пояснил Эринг и любезно придержал за локоток мэра, пошатнувшегося от такого известия.

– Но-но-но! – пролепетал господин Нарви, позеленев не хуже означенного трупа.

– Сами посудите, по такой жаре он быстро начнет разлагаться, – продолжил Эринг с милой непосредственностью, будто не замечая предобморочного состояния собеседника. – А уедем мы, самое раннее, завтра, так что...

– Эринг! – вмешалась я. – Почему только завтра? Я хочу домой!

Он обернулся и попросил:

– Регина, не кипятись. Я же должен провести неотложные следственные действия.

– Не кипятись?! – переспросила я, с трудом глотая рвущееся с языка ругательство. – Ты можешь остаться здесь сам, а констебль отвезет меня и *материал* в город.

– Амунди мне нужен, – развел руками этот подлец, заманивший несчастную девушку в глушь. – Ну, прогуляешься немного, молока парного попьешь... – он запнулся, кажется, лихорадочно соображая, чем еще можно заниматься в деревне. Потом нашелся: – Можешь еще цветов нарвать.

– Спасибо за разрешение! – едко ответила я. Жаль, не умею водить автомобиль. В патриархальном Хельхейме женщина за рулем все еще считалась вызовом общественному мнению. – Кстати, я не взяла вещи.

Лицо Эринга сделалось страдальческим.

– Господин Нарви, вы не могли бы обеспечить госпожу *Проводника мертвых* всем необходимым?

– Да-да-да, – мелко закивал разом вспотевший мэр. – Моя жена, того, обо всем позаботится! Вон мой дом, не побрезгуйте!

Он махнул рукой, указывая на добротное беленое строение.

– Вот видишь, все легко решилось! – широко улыбнулся мне Эринг, и в его серых глазах буквально плескались чистосердечие и наивность.

– Хм, – только и ответила я, мысленно обрушивая на его темно-русую голову грома, молнии и краниотом⁸ заодно.

⁸ Краниотом – тупой топорик для откалывания надпиленной крыши черепа.

И вдруг заметила того самого мальчика, подглядывающего из дома мэра.

Я действительно найду, чем заняться. И очень надеюсь, что Эрингу это не понравится.

* * *

Супруга мэра, госпожа Анхильд, оказалась под стать мужу: румяная, круглолицая, с пышной сдобной фигурой. В их доме пахло ванилью, дрожжевым духом и топленным молоком. А чистота такая, что можно делать операцию прямо на кухонном столе.

– Садитесь! – скомандовала она властно, указав на резной деревянный стул, явное проявление достатка. В Хельхейме такая мебель не дешева.

– Благодарю, – вежливо произнесла я.

– У нас ночевать будете! – продолжила хозяйка тем же приказным тоном.

Я только хмыкнула и украдкой огляделась. Мальчишка явно притаился в смежной комнате, дверь в которую была чуточку приоткрыта.

– Спасибо за приют, – ответила я. – Надеюсь, это не понадобится.

– Как так? – впервые на лице ее мелькнула тень неуверенности.

– Хотелось бы, чтобы убийцу поймали еще до вечера, – от

всей души произнесла я и сглотнула слюну. От вкусных запахов – поджаристый лук, сдоба, мясная подливка – у меня заурчало в животе. Стараниями Эринга я осталась без завтрака, а время уже перевалило за полдень.

– Не-а! – не выдержал мальчишка из-за двери. – Не поймает, зуб даю!

– А ну, цыц, Агнар! – прикрикнула госпожа Анхильд. – Я кому сказала не высовываться? Не слушайте его, госпожа! За стол садитесь, я сейчас обед накрою!

– Как любопытно, – протянула я. Под моим взглядом на щеках засуетившейся хозяйки вспыхнул бурачный румянец, и она поспешно отвернулась. – Агнар, можно тебя на минутку?

– Не слушайте его, госпожа! – повторила госпожа Анхильд, снова и снова вытирая руки расшитым полотенцем. – Племянник это мой, слабоумный!

Глупо, живой и любознательный подросток точно дурачком не был.

– Я с ним поговорю, – я подумала и закончила с нажимом: – Наедине!

На мгновение показалось, что она вспылит. Полетят клочки по закоулочкам!

– Ладно! – тяжело проговорила хозяйка и отшвырнула полотенце. – Я пока скотине корма задам, а вы говорите!

И вышла, бросив напоследок гневный взгляд. Стоит нам уехать, мальчишке не поздоровится. Хотя он ничуть не тре-

вожился. Выскочил из комнаты мячиком. Волосы взъерошены, глаза горят, рубашка небрежно заправлена в штаны.

Я по-свойски похлопала ладонью по стулу рядом.

– Присаживайся.

– Ага, – Агнар уселся, наклонил голову к плечу и заключил: – А вы совсем не такая.

– А какой я должна быть? – поинтересовалась я, понизив голос. – Разрисованной магическими символами и увешанной амулетами из костей? Тебе не кажется, что это немного... несовременно?

– Ну... да! – признал он, подумав. Широко улыбнулся. – Вот уж не думал, что буду болтать по душам с самой Проводником мертвых! Геслинг обзавидуется!

– Кто такой Геслинг? – спросила я для поддержания разговора. – Твой приятель?

– Ага, – кивнул вихрастой головой мальчишка. – Он мой лучший друг. Только ему не свезло!

– Польщена, что ты так высоко ценишь мое общество, – заверила я серьезно. Не переигрываю ли? – Так почему инспектор не найдет убийцу?

Мальчишка опустил взгляд на свои грязные ступни. Должно быть, чистюле тетке он доставлял немало огорчений.

– Ты ведь хочешь стать моим другом, правда? – немного надавила я. – А друзья должны делиться секретами.

Он вскинул любопытные глаза и заерзал.

– А вы мне тоже расскажете? Взамен?

– Обещаю! – поклялась я, поднимая руку.

Мальчишка склонился ко мне и выпалил:

– Это был призрак!

– Призрак? – повторила я, стараясь не выказать досаду. –

С чего ты взял?

– Так у нас они уже неделю лютуют! – сообщил мальчишка с гордостью. – Настоящие драугры⁹!

– Так прямо и лютуют? – усомнилась я.

Мальчишка уверенно кивнул и зачастил:

– Ну да! Пляшут ночами на крыше, пробиться хотят! Кости полу обглоданные у дверей оставляют. А еще в окна стучат. И завывают!

– Ты сам их слышал? Или только рассказы?

– Ха! – он вздернул подбородок и хлопнул по колену. – Я их даже видел! Одного, правда. Страшный такой, синюшный, в красной кофте с капюшоном. А в руке – посох! Он в окно пролез, представляете? Ух, и влетело мне потом от тетки! Вроде я забыл ставни закрыть, хотя я все запер!

– Конечно, – кивнула я. – Я тебе верю. Что ты сделал, когда его увидел?

В сказках, чтобы убить драугра, ему отрубают голову, приставляют к заду и сжигают. Ох уж это народное творчество. Надо же такое выдумать!

Мальчишка меня удивил:

⁹ Драугр – в германо-скандинавской мифологии – призрак или оживший мертвец.

– Я начал пердеть!

– Прости, что? – переспросила я.

– Пердеть! – повторил он чуть ли не по слогам. – Чем сильнее, тем лучше¹⁰. А потом бросил в драугра... ну, какашками.

– Помогло? – осведомилась я, стараясь не засмеяться.

На месте призрака я бы тоже сбежала.¹¹

– Еще как! – гордо заверил мой малолетний информатор. – Правда, тетка мне потом так всыпала! Два дня сидеть не мог.

Неудивительно. Представляю, во что превратился дом.

– Ты так много знаешь о драуграх, – польстила я.

– Ну так! – он вздернул нос.

– Ты сам это придумал? Или кто-то научил?

– Господин Рунфас рассказал, – признался Агнар.

Скорее всего, прозвище. «Мощное знание».

– А кто это? – рассеянно спросила я, роясь в саквояже.

Мальчишка с восторгом косился на блестящие инструменты.

¹⁰ Между прочим, этот способ отпугнуть призраков описан в исландских сказках.

¹¹ Еще один надежный исландский способ прогнать призраков. Хотя призраки в исландском фольклоре способны, подобно живым людям, есть и пить, ни в одном тексте не говорится о том, чтоб они справляли нужду. Моча и нечистоты – исключительная принадлежность мира живых, поэтому они способны отпугнуть ожившего мертвеца. Кроме того, запуская в призрака нечистотами, человек дает понять, что грозный выходец с того света – в сущности, такой же продукт гниения, как и содержимое ночного горшка.

– Так бродячий эриль! Ну, маг. Он нас всех научил.

В Хельхейме таких немало. Они путешествуют по стране, зарабатывая на хлеб мелким колдовством или гаданием. Наверное, тяга к приключениям – свойство дара.

Сказки о призраках мальчишки тоже наверняка слушали с восторгом. Только зачем это эрилю? Шутка? Месть господину мэру?

Я спросила с иронией:

– А драугры появились до или после рассказа?

Мальчишка насупился, свел брови.

– Вы чего, мне не верите?

– Верю, верю! – поспешила успокоить я. – Скажи, призраки кому-то причинили вред? Напали или избили? Уволокли скот?

Самое простое объяснение. Банальным конокрадам трюк с «ожившими мертвецами» мог быть очень кстати.

– Не-а, – мотнул головой он. – Только этого, Ханзи, уколошили!

Убитый явно не пользовался любовью местных. Впрочем, орков нигде не любили, приписывали нечистоплотность, воровство младенцев и Хель знает что еще.

– Откуда знаешь? Кстати, за что его?

– Господин Рунфас рассказал, – повторил мальчишка. – Мол, духи предков злятся, что этот аг-ро-ном, – он с трудом выговорил сложное слово, – самовольничает на нашей земле! А сам не местный и вообще нелюдь!

– Понятно, – я откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. – Спасибо, ты очень помог!

– Правда? – обрадовался мальчишка. – Теперь вы прогоните драугров? Ну, насовсем.

– Обязательно! – заверила я.

Представила, как преподнесу это Эрингу, и мысленно потерла руки...

* * *

Эринг по-прежнему терзал мэра, с чела которого градом катился пот. Доставалось и его присмирившей жене. В холодке, возле накрытого простыней тела, скучал Амунди.

– Инспектор, – позвала я. – Уделите мне минуту.

И отошла в тень. Солнце припекало ощутимо, середина лета как-никак.

– Конечно, госпожа доктор, – согласился он, оценив мой официальный тон.

– Мы того, пойдем? – возрадовался мэр.

– А? – Эринг отмахнулся. – Да, конечно.

– Пойдите, – спохватилась я. – Как найти господина Рунфаса?

Несчастный побелел. И пролепетал:

– Ну я, того, не знаю. Нету его.

– Сообщите, когда появится! – сориентировался Эринг, сдвигая шляпу на затылок.

– Да, того, непременно! – мелко закивал господин Нарви.

Надо думать, драугры пугали его куда меньше, чем въедливый столичный полицейский.

Стоило Эрингу отойти, госпожа Анхильд дернула мужа за полу куртки и возмутилась:

– Чего мальчишка наговорил? Нарви, не будь тряпкой, сделай что-нибудь!

– Отстань, Анхильд! – отмахнулся мэр, ввергнув жену в предынфарктное состояние. – Ты, того, не понимаешь!

Увы, продолжение разговора мы не слышали. Они спохватились и сбежали в дом.

– Так что ты хотела? – Эринг проводил взглядом ускользнувших жертв.

Он развязал галстук, сунул его в карман и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке. Еще и рукава закатал!

– В общем, слушай...

Стараясь не упустить деталей, я изложила услышанную от мальчишки историю. Эринг слушал внимательно, щуря глаза и расхаживая туда-сюда.

– Ты права, – заметил он, когда я умолкла. – Стоит поговорить с этим эрилем. Знать бы, при чем тут драугры?

– Эринг, перестань! Кто-то просто воспользовался суеверностью крестьян.

– Ну-у, – протянул он, почесав бровь, – есть многое на свете, друг Регина...

– Что и не снилось нашим вельвам¹², – закончила я иронически. – Ты же взрослый образованный человек, а веришь в такую чушь!

– Не то, чтобы верю, – сознался приятель неохотно, – скорее допускаю. А ты – материалистка!

– Именно! – разозлилась я. И невольно повысила голос: – Не начинай, ладно? В университете нам твердили об утбурдах¹³, драуграх и прочей нечисти, которую никто никогда не видел. Я зубрила ритуалы, способы изгнания, руны... Обычные суеверия!

– Ты все это соблюдаешь! – парировал Эринг. – И защиту в морге при мне обновляла.

– Действую по инструкции, – буркнула я. Глубоко вздохнула. – Слушай, давай я толком осмотрю труп. Желательно без лишних свидетелей.

Я кивнула на пару чумазных мальчишек, подглядывающих из-за угла. Еще за нами наблюдала идущая за водой девица, пропалывающая огород старуха... А скольких я не заметила!

– Как скажешь, – Эринг жестом подозвал констебля. – Амунди, перенеси тело вон в тот погреб.

Он махнул рукой на что-то вроде землянки.

¹² Вельва – в германо-скандинавской традиции – мудрая женщина, провидица.

¹³ Утбурд. У норвежцев существовал обычай избавляться от больных или уродливых младенцев, закапывая их в снег. Таким же образом часто избавлялись от младенцев, рожденных вне брака. Иногда душа младенца возвращалась в виде призрака – утбурда и начинала мстить живым людям, в первую очередь — матери.

– Только мне нужен свет, – уточнила я. – Много света. Кстати, госпожа Анхильд разрешила? Это же ее погреб?

– А? – задумавшийся о чем-то приятель обернулся. – При чем тут госпожа Анхильд? Мэр разрешил, а все имущество жены...

– Принадлежит мужу, – подхватила я, повторяя один из базисных принципов права Хельхейма. – Ладно, тебе виднее. Надеюсь, хозяйка со скалкой не прибежит.

– Не беспокойся, – прекрасно очерченные губы Эринга дрогнули в улыбке, – я сумею тебя защитить.

Он многозначительно похлопал себя по боку.

Я не стала спорить. Вспомнилась тетя Хельга, которая когда-то учила меня обращаться с сильным полом.

«Регина, детка, – говаривала она, затягиваясь сигаретой в длинном мундштуке, – никогда, никогда вслух не сомневайся в мужчинах! Их надо любить и хвалить, хвалить и любить. Иначе они вянут на глазах... во всех смыслах!»

* * *

Амунди позаботился обо всем. Он раздобыл хороший прорезиненный плащ, которым застелил пол, два мощных фонаря и ведро воды.

Эринг прислонился спиной к полке с рядами банок. За одежду можно не опасаться – ни следа пыли, ни пятнышка плесени. Земляной пол аккуратно посыпан песком. Разве

что воздух немного затхлый.

Надев фартук, косынку и перчатки, я взялась за работу. Полноценное вскрытие, конечно, подождет до возвращения в Ингойю, но хоть нормально осмотреть труп я должна! Первым делом изучить отметины от веревки, пальпировать шею.

– Пишите, констебль: смерть наступила не от перелома шейных позвонков, как чаще всего бывает в таких случаях. Пока сложно сказать, было ли причиной смерти удушение с помощью веревки или проникновение в дыхательные пути посторонних предметов.

– То есть он мог задохнуться... в омеле? – не выдержал Эринг.

– Да, – не оборачиваясь, подтвердила я.

– М-да, – фыркнул Эринг. – Убийство с помощью древнего символа добра и гостеприимства¹⁴ – это как-то чересчур!

– Не отвлекай, – попросила я, принимаясь. Из-за вони на пустоши я упустила важный момент. – Похоже, жертва находилась в состоянии сильного алкогольного опьянения.

– Насколько сильного? – оживился он.

– Без анализов точно не скажу. – Пожала плечами я. – Думаю, он вряд ли понимал, что происходит.

– Зачем тогда его били по голове? – поразился Эринг.

– Откуда мне знать? – рассеянно ответила я, стягивая с трупа сапоги, а затем срезала штаны (проще так, чем возить-

¹⁴ В германо-скандинавской традиции омела действительно являлась символом добра, готовности приютить путника.

ся и снимать). И, не удержавшись, присвистнула.

– Так впечатляет? – заинтересовался Эринг, заглядывая мне через плечо. – Ничего себе!

– Констебль, отметьте, что половые органы трупа перевязаны бело-золотистой тесьмой шириной примерно два-три сантиметра. В области яичек завязан бант. На коже в нижней части живота острым предметом, предположительно, шилом или острием ножа, вырезаны следующие руны: соуло, йера, дагаз.

– Мать моя, женщина, – пробормотал Амунди, послушно записывая. – Кто ж это над ним так?

– Выясним, – пообещал Эринг. Голос его был суров: ни один мужчина не может спокойно относиться к надругательству над самым драгоценным. – Продолжай, Регина!

– Как скажешь, – согласилась я...

На первый взгляд, больше ничего занимательного: ни татуировок, ни телесных повреждений.

– А это что? – заинтересовалась я. – Кажется, пятнышко крови в углу рта. Констебль, посветите!

– Давай я, – предложил Эринг, тоже склоняясь над трупом.

Зубы убитого пришлось разжимать ножом. На языке орка красовался странный росчерк, нанесенный чем-то острым.

– Эйваз? – неуверенно предположил Эринг.

– Да. Кстати, знаки вырезали на еще живой жертве.

– Когда, говоришь, его убили? – уточнил Эринг, методич-

но осматривая сложенные в стороне вещи покойного. Кучка личных предметов: металлический гребень, носовой платок с вышитым инициалом, небольшая фляжка с чеканкой.

– Примерно два-три дня, – я накрыла тело простыней. – Кстати, возьми.

И протянула Эрингу снятый с предплечья орка кожаный браслет с вплетенными бусинами и камушками. Он задумчиво покрутил дешевую вещицу.

– Жил он явно небогато, – заметил Эринг задумчиво. – Обычно орки увешаны золотом, а у этого только дешевая са- модельная цацка.

– Это не просто браслет, – вдруг подал голос Амунди.

– Что? – обернулся Эринг.

– Я такие штуки раньше видал, – констебль мотнул головой, будто отгоняя невидимую муху. – Я на войне в Хусавик служил. У нас орки были, из мобилизованных.

– Ближе к делу! – Эринг напрягся. Серые глаза горят азартом, челка вздыбилась, ноздри хищно трепещут.

– Я и говорю, – пожал широченными плечами констебль. – У них это знак помолвки. А уже на свадьбе золото или серебро надевают.

– Ясно, – проронил Эринг задумчиво, пряча улику в карман. – Судя по состоянию, носили его совсем недолго. Неужели кто-то из местных связался с орком?

Интересный вопрос. Смешанные браки в Хельхейме не приветствовались, а о других орках в окрестностях мэр бы

упомянул.

Эринг обвел взглядом погреб и скомандовал:

– Амунди, запри дверь и покарауль, – он дернул плечом. – Мэр назвал какого-то Кари, лучшего друга убитого. Он должен знать о невесте. Регина, давай сразу с ним поговорим, а? Он потом уйдет на вечерний лов. А потом поедим. Ладно?

Он просительно заглянул мне в глаза. Я невольно улыбнулась и смилостивилась:

– Ладно уж, давай своего Кари.

* * *

Мы с Эрингом шли рука об руку.

Солнце клонилось к закату – в горах темнеет рано. В мягком вечернем свете долина выглядела удивительно тихой и мирной. Белые хлопковые поля, белые барашки облаков, зеленые луга, – воплощенная пастораль.

– Так что ты об этом всем думаешь? – Эринг заботливо поправил на мне шляпку.

Я благодарно кивнула и сказала тихо:

– По-моему, это ритуальное убийство.

– А может, месть обиженной женщины? – усомнился он. – Учитывая художества у него в паху. И браслет.

– Ага, – подхватила я, – а потом она зачем-то порезала любовнику язык...

– За нарушение обещания жениться? – азартно предполо-

жил Эринг. Фантазер!

– А потом подвесила на дерево. Взрослого мужчину.

– М-да, – хмыкнул Эринг, ничуть не смутившись. Он сам понимал абсурдность этой версии, а спорил просто потому, что ему так лучше думалось. – У женщины мог быть сообщник.

– Или это все – веселое празднование летнего солнцестояния, – мрачно пошутила я.

– Ага, и местные знают, кто так «повеселился», – подхватил Эринг. – И покрывают, конечно. Орка тут не любили, это точно.

Я потеряла лоб. Ночью не выспалась, а день выдался насыщенным. Моему мозгу определенно не хватало отдыха и питания.

– Согласна, – произнесла я задумчиво. – Но, Эринг, это же крестьяне! Его бы просто ударили по голове или столкнули в море. Затевать жертвоприношение? Перебор, согласишься!

– Возможно, – неохотно признал он и нахмурил брови. – Слушай, ты в этом лучше разбираешься. Все сделали как надо? Или где-то налажали? Ну, ты понимаешь.

Я припомнила детали и пожала плечами.

– Думаю, убийца отлично знал, что делал. И это вряд ли малограмотный селянин. Таким вещам в школе для бедных не учат.

– Может, их тот эриль подговорил? – азартно предположил Эринг.

Я лишь пожала плечами. Игра в вопросы, на которые не было ответов, изрядно меня утомила.

За разговором мы почти вышли за пределы деревни.

К скале прилепился старый дом, похоже, видевший не одно поколение жильцов. Он хорошо держался, лишь кое-где требовалось подновить кладку. Скромный сад выглядел ухоженным, и цветник у входа оформлен со вкусом.

Я открыла рот... и закрыла.

Распахнув калитку, навстречу вышел рыбак с переброшенной через плечо сетью. Тетя Хельга о таких говорила: «Мужчина в самом расцвете сил и возможностей!». Уже не настолько юный, чтобы плохо представлять, для чего нужны женщины, но еще не успевший растерять часть роскошной блондинистой шевелюры. Выгоревшие брови, смуглая от загара кожа, под расстегнутой парусиновой рубашкой угадывались сильные мускулы, на груди курчавились золотистые волосы.

Вспомнилась портовая песенка: – «Я вам не скажу за всю Ингойю, вся Ингойя очень велика. Но и в Нидд, и в Одд, и в бухте Рауд обожают Кари-рыбака!»

Укоризненный взгляд Эринга (подкрепленный рывком за руку) привел меня в чувство.

– Инспектор Эринг, ИСА, – отрекомендовался приятель. Обо мне он словно позабыл. – Расследую убийство Ханзи.

Рыбак помрачнел и захлопнул калитку в сад. Несмотря на широкополую шляпу, он прикрывал лицо рукой, словно

неяркий вечерний свет резал глаза.

– Кари я, и что? – неприветливо буркнул он, поворачивая голову.

Я досадливо прикусила губу. Его щеку и шею обезобразили следы давних ожогов. Такой экземпляр испортили!

– Говорят, вы с Ханзи были друзьями? – прищурился Эринг.

– Ага, – неохотно подтвердил Кари, не оборачиваясь. Войти он не предложил, напротив, вытянул руку, перегораживая проход. – Он мне жизнь спас. А теперь идите, куда шли. Я спешу.

– Хм, – протянул Эринг. – Смотрю, вы не очень-то хотите найти убийцу.

– Это ваше дело! – привалившись спиной к калитке, Кари надвинул шляпу пониже. – Вы из полиции, вы и ищите. А я тут не причем.

– Вы его не любили, – констатировал инспектор. – Так?

– Его никто не любил. – Угрюмо сообщил рыбак. – Не люблю я это племя, хотя Ханзи я был здорово должен. А он еще и лез куда не просят, хотел по-своему переделать!

– Что именно? – тут же уцепился Эринг.

Солнце зашло за гору. Сумерки наступили стремительно и неотвратимо, как диарея.

– Да все! – отмахнулся Кари, наконец отняв ладонь от глаз. Хотя взгляда по-прежнему не поднимал. – Ханзи был мечтатель. Твердил, что земля может давать тройной уро-

жай, если удобрять правильно и запустить механику. Разве местным такое понравится?!

– Это означало, что некоторых работников уволят? – уточнил Эринг, задумчиво склонив голову к плечу.

– Да почти всех, – хмуро подтвердил Кари. – А Ханзи не хотел слушать.

– И кто об этом знал?

– Все! – кратко ответил Кари, нахмурил лоб и объяснил нехотя: – Его же хель прислали. Я могу идти? Мне в море надо.

– Хм, – Эринг смерил его взглядом. – Чем вы занимались в канун летнего солнцестояния?

Вот теперь рыбак вскинул на Эринга глаза. Мутные, болезненные, как при жару.

– Пил. – Он с силой сжал челюсти, отчего шрамы проступили особенно ярко, и процедил: – Я всегда напиваюсь в эту ночь. Уже пять лет. С той бомбежки.

– Вы из Мидгарда, верно? – поинтересовался Эринг равно. – И у вас погиб кто-то из близких?

– Да! – Кари резко отвернулся. – Жена и дочка. А меня вытащил Ханзи. Теперь довольны?!

И бросился прочь, бесцеремонно оттолкнув меня с дороги.

– Интересно, – Эринг привычно взъерошил волосы на затылке.

– Что именно? – уточнила я устало. Хотелось прислонить-

ся к камням ограды, но их покрывал слой лишайников.

– Во-первых, не с покойником ли он пил? – Эринг задумчиво побарабанил пальцами по замшелому валуну. – А во-вторых, почему он так боялся, что мы зайдем в сад?

И прищурился, разглядывая калитку.

– Хочешь воспользоваться случаем? – спросила я для проформы.

– Ага, – подтвердил он легкомысленно, ощупывая простенький навесной замок.

Я попыталась воззвать к его совести:

– Эринг, ты же страж порядка. А собираешься проникнуть в чужой дом без разрешения.

– И без ордера, – согласился он, сосредоточенно ковыряясь в замочной скважине перочинным ножом. – Цель оправдывает средства.

– Не боишься, что поймают?

– Не поймают! – самоуверенно пообещал Эринг. – Если быстро. Не отвлекай. Ну, вот!

Замок согласно щелкнул и раскрылся.

Я быстро осмотрелась. Благодаря тому, что дом Кари стоял на отшибе, у скалы, местные жители наблюдать не могли.

– Все чисто, – доложила я, невольно понизив голос.

– Регина, – усмехнулся Эринг, – не переигрывай!

– Ладно, – хмыкнула я, уже не таясь.

– Чем больше ты оглядываешься, тем подозрительнее выглядишь, – объяснил многоопытный инспектор. – Наглость

– второе счастье.

– Иногда даже первое, – согласилась я.

Эринг осторожно толкнул от себя калитку. Она не поддавалась, только негромко скрипнула.

– Заперто, – констатировал он, недовольно сжав красивые губы. – И не на обычный запор. Попробую перелезть.

Эринг с сомнением покосился на каменный забор. Перебраться можно, только если эриль наложил заклятие только на дверь. Рассчитывать на такое разгильдяйство не стоило.

– Постой, – попросила я, в свою очередь внимательно рассматривая калитку.

Присела на корточки, провела пальцами левой руки по замку. Затем сдвинула ладонь ниже, еще ниже. Погладила обычные на первый взгляд царапины. Попробуем...

Не отнимая руки от защитных рун, я другой рукой вынула из кармана скальпель и одним движением раскрыла футляр. Хоть для чего-то сгодится унаследованный от папы талант!

Эринг позади присвистнул.

– Ничего себе, маникюрный ножичек, – одобрительно проговорил он, склоняясь ко мне так близко, что волосы на затылке зашевелились от его дыхания.

– Рабочий инструмент, – поправила я недовольно, передергивая плечами. Терпеть не могу, когда мне сопят в шею! – Например, для рассечения спинного мозга. Отодвинься немного, мне неудобно.

– А в кармане-то он тебе зачем? – удивился Эринг, от-

странаясь.

– Я слабая девушка, – объяснила я рассеянно, – которую всякий может обидеть.

– Сам виноват, – хмыкнул он. Его живой интерес я ощущала даже спиной. – В смысле, спинной мозг можно рассекать не только у трупов, да?

– Разумеется, – согласилась я. Руку с ножом закололо, и я поморщилась: – Не мешай.

Эринг послушно умолк, а я аккуратно подправила ножом начертанные на дереве руны, шепча вызубренные в детстве строки: «Руны на роге режу, кровь моя их окрасит. Рунами каждое слово врезано будет крепко!»¹⁵

Чужая магия поддавалась неохотно. Чуть-чуть поднажать...

– Другое дело, – я полюбовалась делом своих рук. – Попробуй теперь.

И, отряхнув выпачканные на коленях брюки, поднялась на ноги. Эринг, задев меня плечом, снова толкнул калитку. Она открылась, протестуяще заскрипев.

– Регина, – с чувством проговорил Эринг. – Ты – чудо!

– Я знаю, – согласилась я нескромно. – Пойдем уже!

– Пойдем, – кивнул он и шагнул в сад, негромко насвистывая «Раз пошли на дело мы с коварным Локи...»

Дом был похож на испуганную черепаху. Он отгородил-

¹⁵ Руны на роге режу, кровь моя их окрасит. Рунами каждое слово врезано будет крепко – строки из «Саги об Эгиле»

ся от мира запертой дверью и закрытыми ставнями. Для порядка Эринг обошел вокруг, подергал надежные запоры, нагнувшись, ковырнул пальцем защитные руны на пороге.

– Регина, можешь что-то сделать? – поинтересовался он без особой надежды.

Я покачала головой, потом спохватилась и объяснила вслух:

– Вряд ли. С камнем работать сложнее, и вообще...

– Вообще – что? – спросил Эринг, обернувшись.

– Я не хочу вламываться в этот дом, – призналась я честно, надеясь, что он не станет расспрашивать меня о причинах. – И хотелось бы знать, кто здесь ворожил.

Вот чем мне всегда нравился Эринг, так умением схватывать на лету.

– Тот бродячий эриль... как его?

– Господин Рунфас, – подсказала я. Не удержавшись, фыркнула.

– Ты права, очень нескромный господин, – усмехнулся приятель. – Так что думаешь?

– Не уверена. Может, тот эриль, а может Кари кое-что умеет. Кстати, он ведь не один живет, верно?

– Откуда ты знаешь? – Эринг склонил голову к плечу. – С сестрой вроде.

Я указала на аккуратные клумбы.

– Он не похож на цветовода.

– Ладно, – махнул рукой Эринг, – давай тут немного

осмотримся. А потом...

– Потом – ужинать! – потребовала я. – Уже темнеет.

– Регина, не вредничай. И вообще, можешь идти, я сам справлюсь.

Эринг улыбался с предвкушением. Вот уж любитель совать нос в чужие тайны!

Хотелось так и поступить. В конце концов, я ведь не сыщик! Я вздохнула и пошла следом за Эрингом, который уже топал по тропинке вглубь сада.

* * *

Через полчаса мое терпение иссякло. Эринг методично обшаривал все вокруг, сантиметр за сантиметром.

– Можешь сказать, что мы ищем? – не выдержала я. – Труп, чистосердечное признание, веревку, идентичную той, на которой был повешен Ханзи?

Какой преступник просто оставит улики в саду?

– Что-нибудь подозрительное, – приятель не отвлекался от разглядывания найденной под кустом тряпки.

– Исчерпывающе, – язвительно заметила я.

Он вынул из кармана лупу. Склонился над линялой тканью, что-то высматривая.

– Регина, ну сама подумай! Не зря же он запер калитку. Что-то тут должно быть...

Я вздохнула (может, хозяин боялся, что мальчишки вы-

топчут цветник?) и присела на валун в стороне. Камень за день нагрелся, и я пригrelась, как кошка на батарее.

Фу, а чем это воняет? Видимо, неподалеку отхожее место. Я обвела ленивым взглядом окрестности. И замерла, разом стряхнув сонливость.

– Эринг, – позвала я. Собственный голос показался мне странным. Откашлялась и повторила громче: – Эринг! Иди сюда!

– Что? – кратко спросил он, в мгновение ока очутившись рядом.

– Я была не права, – призналась я негромко, не отводя взгляда от наполовину засохшего дерева. Завязь еще не успела окончательно увянуть и сморщиться. – Здесь действительно есть кое-что интересное.

Не уточняя, я жестом попросила его следовать за мной. Осторожно приблизилась к яблоне, опустилась на колени, осторожно разгребла листья. На стволе бурела надпись: «Хаг Алу», а вокруг – трижды повторенная руна альгиз и перевернутая эваз.

– Что это значит? – теперь в негромком баритоне Эринга не слышалось и тени дурашливости.

– Хагалаз, ансуз, гебо – ансуз, лагуз, уруз, – прочитала я задумчиво. – Старая формула для уничтожения враждебных сил, какой-то угрозы. Альгиз – это понятно, защита. Эваз – странствие духа. В перевернутом виде...

Я оборвала пояснения. Еще раз оглядела несчастное де-

рево, к которому не хотелось прикасаться.

– Так что это такое? – не выдержал Эринг.

Глаза его, обычно безмятежные, сейчас потемнели, как грозовые тучи.

– Это... – начала я.

Договорить мне не дали. Мелькнула тень, и меня пребольно дернули за руку.

– Что вы здесь делаете?! – закричал прерывистый от слез девичий голос. – Не смейте трогать! Уходите, вы!..

Эринг с немалым трудом отодрал от меня плачущую девушку. На ее зареванной мордашке застыло выражение скорби и отчаяния.

– Эй, потише! – велел Эринг, едва удерживая рвущуюся девушку. – Ты сестра Кари, да?

– Да, – она поникла, и слезы полились водопадом. – Я – Бирта.

– Ты зачем напала на Проводника мертвых? – строго спросил Эринг, явно пытаясь поразить ее моей должностью.

Помогло – девица впечатлилась так, что даже рыдать перестала.

– Вы... Вы... Правда?!

– Правда, – подтвердила я раздраженно. Терпеть не могу суеверия, которые напридумывали вокруг моей работы.

Девушка высвободилась из рук Эринга и начала заплетать растрепанные волосы. Рукав ее просторного платья упал почти до локтя, открывая кровоподтеки на запястье.

– Кто вас бил? – спросила я резко.

– Никто, – пролепетала она испуганно и вжала голову в плечи.

Мы с Эрингом посмотрели друг на друга. Он едва заметно кивнул и вдруг ласково приобнял Бирту.

– Не плачь, – заворковал он, осторожно касаясь кончиками пальцев ее щеки. – Зачем портить такое хорошенькое личико слезами?

– Я... Я... – пролепетала она, глядя на него широко раскрытыми глазами.

Слезы мгновенно высохли, лишь загнанное выражение в глубине миндалевидных светлых глаз осталось.

– Чего ты боишься? – продолжил Эринг мягко. – Ну же, расскажи мне.

– Нет. Нет! – она вырвалась из его рук, как верткая форель с крючка. – Я... Не должна говорить!

И ринулась прочь. Эринг поймал только воздух.

– Очень загадочно! – констатировал он, глядя вслед красавице.

– Пойдем. Я голодна, как Хель!¹⁶

– Так тебе положено, – усмехнулся он, подавая мне руку. – Ты же ее жрица.

– Стукну! – посулила я. – Знаешь же, терпеть не могу эту чушь.

¹⁶ Хель – в германо-скандинавской мифологии богиня смерти. Хель олицетворяет смерть. Например, во время мора говорят: «Хель разгулялась».

– Ой, боюсь, – он сделал испуганное лицо и отшатнулся. – Не бей меня, Регина, я тебе еще пригожусь!

– Шут, – вздохнула я. – Почему я все время иду у тебя на поводу?

– Потому что я – хороший! – сообщил он торжественно, прикрывая за нами калитку. Восстановить охранные чары он даже не пытался. Вряд ли Бирта скроет от брата наш визит.

– Очень! – с чувством сказала я.

– Ладно, – посерьезнел Эринг и снова подставил локоть. – Что ты там говорила насчет этого дерева?

– Похоже, Кари страшится злых гостей. Я бы сказала, *необычных* гостей.

– Необычных? – повторил Эринг и предположил с ноткой недоверия: – Ты имеешь в виду призраков?

– Именно! Причем боится панически.

– Ты же уверяешь, что их не существует! – не преминул подколоть Эринг.

– Не существует, – холодно подтвердила я. – Что не мешает некоторым в них верить. И на твоём месте я бы задумалась, почему Кари так сильно их опасается.

– А может, Бирта? – он прикусил щеку. – Слушай, ведь сходится! Она так перепугалась, когда мы нашли ту штуку. И синяки. Может, это ее покойник хватал?

– Не выдумывай – я дернула его за руку. – Судя по виду, кровоподтеки свежие. А Ханзи убили минимум два дня назад.

– А если это – пятна призраков? – Эринг понизил голос. – Он не может найти покоя, вот и пытается привлечь внимание! Может, поговоришь с ним? Тебя же учили!

– Эринг! – рассердилась я, останавливаясь перед погребом. Констебль бдел. – Сколько тебе раз повторять: призраков не бывает!

– А вдруг? – настаивал он. – Тебе что, сложно?

– Сложно! – рывкнула я. – Кто я, по-твоему? Хермод¹⁷, отправившийся за Бальдром в царство Хель?

– Ладно! – Эринг навесил на погреб замок и махнул Амунди. – Пойдем ужинать, констебль.

* * *

За ужином Эринг обрушил на семью мэра все свое обаяние. Поначалу госпожа Анхильд хмурилась (видимо, узнала, какое безобразие учинили в ее погребке), однако вскоре оттаяла и разговорилась. Мэр стал ее поправлять и постепенно увлекся.

Эринг умел располагать к себе людей, даже на меня действовало, хотя я знала его, как облупленного. Казалось, он с огромным интересом слушал о проблемах местных земледельцев, о сложностях выращивания хлопка, о работе на об-

¹⁷ Хермод, отправившийся за Бальдром в царство Хель. Имеется в виду известная легенда, что светлого бога Бальдра пытался оживить (вызволить из царства мертвых) его брат, бог Хермод.

щем поле. И умело вылавливал из этого потока нужные сведения.

Амунди уплетал кашу, исподтишка наблюдая за начальством. Его лицо казалось вытесанным из камня, лишь временами на губах мелькала усмешка, а в маленьких глазках под массивными надбровными дугами читалось одобрение.

От усталости и сытной еды я совсем осоловела и клевала носом.

– Можете не бояться призраков! – сквозь дрему донесся до меня жизнерадостный голос Эринга.

Что-что? Я встряхнулась и прислушалась. Эринг молот такое, что хотелось стукнуть его ложкой по лбу.

– С нами же Проводник мертвых! Она не даст вас в обиду, – убеждал он. И невинно осведомился: – Правда, Регина?

Мэр с супругой смотрели на меня с благоговейным ужасом, зато мальчишка отчего-то косился неприязненно.

– Как только увижу призрака – сразу прогоню! – посулила я мрачно. Какую игру затеял Эринг?

– Вы же не верите в духов! – выпалил мальчишка. – Я слышал, вы говорили!

– Главное, что я умею с ними обращаться, – буркнула я с досадой.

Эринг торопливо дожевал и соорудил просительную мину.

– Ты главное их сразу не упокаивай, ладно? Попробуй похорошему, ага?

– Попробую, – пообещала я. И попросила госпожу Анхильд: – Можно умыться?
– Сейчас, сейчас, – засуетилась она. – Пойдемте, госпожа!
– Спасибо, – ответила я и пожелала мужчинам спокойной ночи.

Мне хором пожелали того же... Сглазили.

* * *

А так хорошо все начиналось!

Хозяева уступили нам дом. В первой комнате устроились инспектор с констеблем, вторую заняла я. Звать Эринга к себе под бочок не стала. Бдительность прежде всего!

Дом затих, только за ставнями завывал ветер. Буколический антураж – с вязаными половичками, подушками и мягкими игрушками – навевал сон.

Свернувшись клубочком под одеялом, я сонно думала, что надо бы заказать новый остеотом¹⁸ или хотя бы хорошо заточить старый, когда сверху раздался грохот. От неожиданности я подпрыгнула.

На крыше грохотало так, словно там металась перепуганная корова. Я откинула одеяло. В этот момент в комнату ворвались Эринг с Амунди – всклокоченные, сонные, в одних подштанниках, зато с револьверами. Незабываемое зре-

¹⁸ Остеотом – ручная цепная пила для костей, обычно использовалась для трепанации черепа.

лице!

– Регина, ты цела? – с порога встревожено спросил Эринг, окидывая комнату цепким взглядом. Он держал керосиновую лампу, в дрожащем свете которой по дому метались тени.

Констебль глянул на меня и еле заметно улыбнулся.

– Разумеется, – раздраженно отозвалась я, сообразив, как выгляжу. За неимением собственной ночной рубашки пришлось надеть сорочку госпожи Анхильд. Эдакая плащ-палатка, только в розовый цветочек и с ленточками.

– Амунди, – напряженно позвал Эринг. На его щеках проступила щетина, а из дырки в носке выглядывал палец. – Придется лезть на крышу.

Констебль кивнул, а я выругалась про себя. Приятель все-таки полагал, будто наверху обосновались призраки. Сказки уверяют, что потусторонние существа любят прыгать на крышах, пытаясь их разрушить и пробраться внутрь. А когда добьются желаемого, нападают на людей и забивают до смерти.

Только что Эринг намеревался противопоставить драуграм? Не револьверы же, в самом деле!

– Не надо, – вмешалась я. – Я знаю, кто там резвится. – И добавила громче, чтобы перекрыть грохот: – И этот кто-то схлопочет от меня резекционным ножом¹⁹ по надкостнице

¹⁹ Резекционный нож – хирургический нож с коротким лезвием, утолщенным по незаточенному краю, предназначенный для рассечения плотных тканей (связок, хрящей)

голени!

Один из малолетних хулиганов отвлекся, пытаясь вникнуть в смысл непонятных слов, в наступившей паузе отчетливо слышалось: «Ой!»

Эринг сориентировался мгновенно.

– Немедленно прекратить! – заорал он. – Или пойдете под суд!

Наверху ойкнули уже на несколько голосов, кто-то панически завопил: «Пацаны, шухер!», прогрохотали торопливые шаги, зашелестела листва.

– Амунди, глянь, что там, – велел Эринг.

Констебль кивнул и вышел.

– За что ты собрался их привлечь? – поинтересовалась я у Эринга, зябко поежившись.

– За препятствия следствию, – хмыкнул он и обнял меня за плечи. – Или за хулиганство. В конце концов, даже настоящих призраков можно судить²⁰!

Устраивать суд в дверях²¹ не пришлось. Спустя минуту Амунди вернулся и доложил:

– Чисто.

Эринг отчего-то колебался.

²⁰ «Настоящих призраков судили» – действительно, в скандинавском эпосе есть рассказ о том, как судили призраков за то, что они убивали живых людей. Суд приговорил призраков к изгнанию, и им ничего не оставалось, как убраться во-свояси.

²¹ По легенде, именно в дверных проемах заседал суд над призраками. По всей видимости, это был символ.

– Амунди, иди спать, – приказал он и повернулся ко мне. – Регина, я останусь с тобой.

Я махнула рукой и направилась в постель.

* * *

Снилась какая-то чушь. Очень грустный призрак протягивал мне собственную голову, зачем-то требуя ее вскрыть. А я все отнекивалась и почему-то краснела...

– Регина, – позвал вдруг кто-то подозрительно знакомым голосом, трясая меня за плечо. – Регина, проснись!

– А? – сонно спросила я, с трудом разлепив тяжелые веки. Надо мной склонился встревоженный Эринг. – Что случилось?

– Призраки, – пояснил он вполголоса.

– Опять?! – возопила я. Сон слетел с меня, как подхваченная ветром газовая вуаль. – Скальпель им в печень!

– Не поможет, – возразил Эринг, помогая мне подняться. Руки его отчего-то были холодны и подрагивали.

Оглядевшись, я поняла, почему. В центре комнаты парило нечто похожее на облачко тумана.

Бравый инспектор смотрел на него, как ребенок на вылезшего из-под кровати буку. Разве что маленький мальчик обнимал бы плюшевого пингвина, а не револьвер.

– Эринг, – Он не ответил, и я повторила громче: – Эринг!

– Что? – глухо откликнулся он, не отрывая взгляда от за-

гадочного призрака.

– Очнись! – хотелось фигурно нарезать ломтиками всех, кто не давал поспать.

Это просто розыгрыш, только более изощренный. Я встала и шагнула между призраком и Эрингом. Вынула из кармана нож, кольнула палец и начертила прямо в воздухе три символа.

Проклятье, что я делаю?

– Руны на роге режу, кровь моя их окрасит. Рунами каждое слово врезано будет крепко. С гостем своим незванным нынче поговорю я, только на пользу ль будет слово, что мертвый скажет?²²

Едва я успела договорить, как раздался мерзкий звук, напоминающий скрежет ножа по стеклу, а призрак завертелся смерчем – и сгинул, без следа растворившись в предутренней мути.

Я оглянулась на приятеля. Колени позорно дрожали, а в горле застыл противный ком. Неужели это на самом деле? Тьфу, что-то я расклеилась.

Эринг по-прежнему смотрел в одну точку, бледен и недвижим. На зов он не откликался, на раздражители не реагировал. Тоже мне, защитник!

– За что?! – возопил приятель, прижимая руку к красному

²² «Руны на роге режу... С гостем своим незванным нынче поговорю я, только на пользу ль будет слово, что мертвый скажет?» Перефраз отрывка из «Саги об Эгиле Скаллагримсоне». В оригинале: «Руны на роге режу... Брагу девы веселой выпью, коль захочу я, только на пользу ль будет брага, что Бард мне налил?»

отпечатку моей ладони на щеке.

– Извини, – формально сказала я, стараясь не показать, с каким удовольствием вlepила ему пощечину.

– Я же мог тебя застрелить! – продолжал разоряться он.

– Да? – я скептически подняла бровь.

Эринг смутился и спрятал револьвер за спину. Вмaзать кому-нибудь по физиономии он всегда не прочь, а вот стрелять не любил.

– Ну вот, а ты не верила в призраков! – нашелся он.

– И теперь не верю, – дернула плечом я.

– Сама же видела! – Эринг подошел к окну и подергал запертые на ночь ставни. Щеколда держала крепко. Пришлось повозиться, чтобы распахнуть створки.

– Вовсе нет! – отрезала я. – Это мог быть розыгрыш или галлюцинация.

– Не согласишься в реальность, пока не пощупаешь? – тон Эринга был почти сочувствующим.

– Пока не вскрою, – поправила я.

– Ну-ну, – проговорил он, потрепав меня по плечу. – Ладно, что теперь делать будем?

Я заставила себя глубоко вздохнуть. Эринга не переделаешь, не стоит и пытаться. Так какой смысл ссориться?

– Давай поищем кофе? – предложила я примирительно. – Надеюсь, у госпожи Анхильд он найдется. А потом я надеру уши йотунским²³ шутникам!

²³ Йотун – в германо-скандинавской мифологии – великан, один вечных про-

– Регина! – он нахмурил брови. – Не ругайся, ты же дама.
– Хм, – только и сказала я.

Жаль, что он не знаком с моей тетей Хельгой.

«Регина, детка, – говорила она, выдыхая табачный дым ровными колечками, – у тебя крайне скудный лексикон!»

И выдавала тираду, после которой мне оставалось лишь посыпать голову пеплом.

* * *

На кухне госпожи Анхильд нашелся и кофе, и дорогой тростниковый сахар, и немалый выбор специй.

Пока приятель колдовал у плиты, я клевала носом над тарелкой с остатками вчерашнего ужина. Чего у Эринга не отнять – он отлично готовил и не считал это зазорным.

Амунди нам не мешал. Он не пил кофе, обходясь чуть теплой водой с лимоном и медом. Утреннюю порцию сего дивного напитка он уже употребил и теперь разминался на свежем воздухе. Надо думать, девицы уже сбегались поглазеть со всей округи, несмотря на ранний час. Даже я временами косилась в окно, любуясь рельефной мускулатурой констебля.

– Регина! – Эринг со стуком поставил передо мной чашку. В голосе его звучало некоторое раздражение.

тивников богов. «К йотуну» примерно соответствует нашему «К черту», а «йотунский» – «чертов».

– А? – откликнулась я, принимаясь к ароматному пару. Констебль тем временем принялся делать повороты корпуса, и на некоторое время о кофе я позабыла...

– Хватит глазеть на Амунди! – повысил голос Эринг.

Я усмехнулась, взглянув на него. Как же, любят не им, таким замечательным и великолепным!

– Я не прочь поглазеть и на тебя, – проговорила я, отпив кофе. – Не хочешь размяться?

Чуть поморщилась (вечно Эринг переслащивает!) и протянула руку за печеньем.

Он одним глотком осушил свою чашку. И отправился на улицу, на ходу снимая рубашку. Я улыбнулась – тетя права, мужчины как дети! – и принялась завтракать, с удовольствием поглядывая на обнаженные торсы полицейских.

Зрелище внушало. Эринг, быстрый и гибкий, походил на выдру. Амунди напоминал медведя, обманчиво флегматичного и неповоротливого.

Несмотря на то, что над горами уже посветлело, поселок будто вымер. Лишь недовольно мычала в загонах скотина, которую давно пора было обиходить. В этой тишине чувствовалось что-то зловещее. Прямо затишье перед бурей.

И она грянула. По улице бежал мальчишка, отчаянно размахивая руками. Подскочив к Эрингу, он начал сбивчиво что-то объяснять.

Я бросилась наружу.

– ...обломки на берегу! – закончил мальчишка, едва не

подпрыгивая от возбуждения.

Эринг хмурился, натягивая рубашку прямо на влажное от пота тело. Отрывисто спросил:

– Тело не нашли?

– Нет, – помотал головой мальчишка. – Сестра его говорит, ни вещей, ни денег не взял.

– Что случилось? – вмешалась я.

– А, Регина, – обернулся мрачный Эринг. – Это не по твоей части. Слышала же, тело не нашли.

– Да чье тело? – рассердилась я. – Скажи толком.

– На берегу обломки лодки Кари. Судя по всему, она горела. Пока неизвестно, выжил ли он сам.

– Понятно, – коротко кивнула я. Под ложечкой неприятно засосало. События неслись вскачь, не давая толком обдумать. – погоди, я возьму свой саквояж. Вдруг пригодится.

– Давай, – Эринг с досадой стукнул кулаком по притолоке и прошипел ругательство.

Мальчишку словно прибоем смыло.

* * *

Я спустилась вниз по ступенькам. Поморгала, давая глазам привыкнуть к тусклому освещению. Тут же захотелось хорошенько их протереть. Погреб был пуст!

На соленья и варенье никто не позарился, мои вещи также оставались в полной сохранности, однако телом Ханзи даже

не пахло! В буквальном смысле – запах разложения уже выветрился. Следовательно, труп забрали давно.

– Эринг! – позвала я сдавлено. Сообщила, что слышать меня он не может и, подхватив саквояж, птицей взлетела по лестнице. Повторила уже во весь голос: – Эринг!

– Ты чего кричишь? – поинтересовался он. Подал руку, помогая спрыгнуть с высокого порожка.

– У нас украли труп! – проинформировала я едко.

– Как?! – Эринг вытаращил глаза. – Постой. Замок? Заклятие?

– В целости и сохранности, – я развела руками. – Сам посмотри.

Эринг склонился над дверью. Я с трудом подавила желание расчесать пальцами встопорщенный хохолок на его голове. Вечно он лохматый ходит!

– Ты права, – растерянно признал он, распрямляясь. – Слушай, как это вообще можно повернуть? Мысли есть?

Я покачала головой. Вскрыть дверь настолько чисто, чтобы не оставить следов взлома на замке и не потревожить охранное заклятие, сумеет далеко не всякий вор.

– У меня есть, – глухо сообщил Амунди.

Эринг стремительно повернулся к нему.

– Констебль?

Одного этого слова хватило, чтоб Амунди сгорбился и опустил плечи.

– Это я виноват, – через силу произнес он, сжимая пудо-

вые кулаки. — Я отлучался. Минут на десять. Меня позвал мальчишка. Сказал, тот эриль хочет поговорить. Я сдуру пошел. Там никого не было.

— Понятно, — сказали мы с Эрингом хором. Переглянулись и он жестом предложил говорить мне.

— Вы отошли ненадолго, кто-то в это время вынес труп. — Начала я задумчиво. — Мы же не проверяли, на месте ли он, просто заперли дверь. Констебль, кто из мальчишек вас позвал?

— Племянник мэра, — ответил он. — Вы вроде с ним разговаривали. Я подумал, вы его попросили позвать.

— А почему мне не доложили? — поинтересовался Эринг резко.

— Так о чем? — пожал широченными плечами констебль. Его надбровные дуги валунами столкнулись на переносице. — Ничего же не было!

— Ладно, — Эринг махнул рукой и отвернулся. — Потом поговорим. Мы с Региной сейчас на берег, а ты найди мальчишку.

— И эриля, — подсказала я. — Слишком часто он мелькает.

— И эриля, — согласился Эринг. — Приступай!

* * *

Ничего интересного на берегу не нашлось. Несколько обгоревших обломков, обрывки сети Кари и его шляпа. Наш

проводник клялся, что вечером селяне видели над морем пожар.

– Ладно, – в конце концов хмуро сказал Эринг, убедившись, что больше ничего выжать не удастся. – Может тот пацан что-то скажет. Кстати, надо бы к Бирте заглянуть.

– Ты и займись, – предложила я насмешливо. – Ты же умеешь обаять девушку.

Он укоризненно посмотрел на меня:

– Регина, ну что ты такое говоришь!

– Правду, – пожала плечами я. А ресницами-то как хлопает!

– Ладно, давай лучше обсудим версии. – Он оглянулся на наострившего ушки мальчишку и жестом велел ему бежать впереди. – Если тело украл Кари, то вопрос: зачем?

Я пожала плечами.

– Это просто. Хотел похоронить по всем правилам. В сказках нехорошие трупы сжигают. – Я повысила голос, не давая Эрингу вставить коронное: «Ты же не веришь в призраков!». – Главное, что в это верит Кари. Кстати, выходит, Кари причастен к смерти друга. Иначе не боялся бы его мести.

– Согласен, – подумав, кивнул Эринг. – Это он похитил труп.

– Спросим у Анхара.

И прикусила язык, чтобы не ляпнуть: «Если он еще жив!»

Мальчишка оказался не только жив, но и весьма боек. На Амунди он косился со смесью неприязни и восхищения, а на нас с Эрингом – с вызовом. За спиной у констебля толклись взволнованные селяне во главе с мэром и его супругой.

– Я ничего не знаю! – выпалил мальчишка, не дожидаясь вопроса.

– Прямо так и ничего? – Эринг поднял бровь.

– Ничего! – мальчишка явно решил отпираться до последнего.

Я покачала головой и отвернулась.

– Понятно, – кивнул Эринг покладисто. – Не хочешь говорить – твое дело. Госпожа Анхильд, соберите вещи вашего племянника.

– Зачем?! – ахнула она, прижимая руку к пышной груди.

– Я забираю его с собой, – сообщил Эринг спокойно. – Он чинит препятствия следствию. А значит, как асоциальный тип нуждается в перевоспитании и исправлении. – И пояснил зловеще: – В колонии для малолетних преступников!

Бедная женщина поняла лишь, что племянника забирают куда-то далеко и без гарантии возвращения. Выпрямилась грозно, набрала воздуха в легкие и рывкнула:

– Анхар, паршивец! Ты что это надумал? Позорить нас?!

Мальчишка выглядел жалко. Он вжал голову в плечи, ис-

пуганный то ли перспективой колонии, то ли теткиным гневом.

– Я ничего плохого не сделал! – часто моргая, пробормотал он. – Кари просто хотел, чтоб призрак упокоился с миром, вот!

– Значит, ты помог уничтожить улику, – заключил Эринг.

– Но я не хотел! – воскликнул мальчишка с жаром. – Кари сказал, им с сестрой драугр покоя не давал!

Тетка отвесила ему такой подзатыльник, что он чуть не полетел кубарем.

– Ясно, – Эринг сжал губы. Повернулся ко мне: – Ты была права. Пойдем к Бирте. Констебль, запирайте пока мальчика в доме и ждите нас.

– Может, лучше сначала к эрилю? – усомнилась я тихо.

Эринг пожал плечами.

– Его нет, – доложил Амунди. – Уехал еще вчера утром. Местные не знают, куда.

Я посмотрела на мэра, который выглядел бледным, но решительным. Если они и прячут эриля, то не выдадут ни за какие коврижки. Не обшаривать же все окрестные пещеры!

– Да-да, – суетливо подтвердил он, пряча взгляд. – Он, того, уехал. Не сказал, куда!

Эрингу явно хотелось покусать селян. Те, чувствуя его недовольство, ежились, отводили глаза, но стояли на своем.

– Ненавижу маленькие деревни, – с досадой сказал он, когда мы отошли достаточно далеко.

– Выходит, это Кари убил Ханзи? – я тактично перевела тему. – Но почему?

– Пьяная драка? – предположил Эринг. – Убил, испугался, инсценировал жертвоприношение. Кари тут единственный, у кого хватило бы на это мозгов.

– Ага, – фыркнула я. – Будучи пьяным в стельку, отволокло тело на другой конец долины и в темноте это все устроил? Не смейся!

– Ты права, – признал он с неохотой, наподдав ногой по камню. – Хотел бы я знать, живой он или тоже сгорел в лодке?

Я неопределенно пожала плечами. Вряд ли Кари выжил. Иначе чей призрак к нам сегодня наведалься? Если это в самом деле был призрак...

Проклятье, я запуталась!

Дом в этот раз дружелюбно распахнул окна и двери.

– Не заперто, – приятелю это не понравилось. Он толкнул дверь и первым переступил через порог. – Бирта! Это инспектор Эринг. Я хочу поговорить!

Тишина была ему ответом. Мы переглянулись.

– Расходимся, – негромко велел он. – Ты на кухню, я в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.